

Редьярд Киплинг

Могила его предка

*Часть сборника
Труды дня (сборник)*

Редьярд Киплинг
Могила его предка

«Public Domain»

1897

Киплинг Р. Д.

Могила его предка / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1897

«Некоторые люди говорят, что если бы во всей Индии был только один кусок хлеба, он был бы разделен поровну между всеми Плоуденами, Треворами, Биддонами и Риветт-Карнавами. Иначе говоря, некоторые фамилии служат в Индии поколение за поколением, как дельфины плывут друг за другом в открытом море...»

© Киплинг Р. Д., 1897

© Public Domain, 1897

Редьярд Киплинг Могила его предка

* * *

Некоторые люди говорят, что если бы во всей Индии был только один кусок хлеба, он был бы разделен поровну между всеми Плууденами, Треворами, Биддонами и Риветт-Карнавами. Иначе говоря, некоторые фамилии служат в Индии поколение за поколением, как дельфины плывут друг за другом в открытом море.

К примеру, в Центральной Индии с того времени, как Гемфрей Чинн, лейтенант-фейерверкер Бомбейского европейского полка, участвовал в покорении Серингапатама в 1799 году, на службе всегда бывал, по крайней мере, хотя бы один представитель девонширских Чиннов. Альфред Эллис Чинн, младший брат Гемфрея, командовал Бомбейским гренадерским полком с 1804 по 1813 год, а в 1834 году Джон Чинн из той же семьи – мы будем называть его Джон Чинн Первый – проявил себя как выдающийся администратор во время волнений в местности, носящей название Мундесур. Он умер молодым, но оставил воспоминание о себе в новой стране, и достопочтенный совет достопочтенной Ост-Индской компании запечатлел его добродетели в величественной резолюции и поставил ему памятник в Сатпурских горах.

Ему наследовал его сын, Лайонель Чинн, который оставил свой домик в Девоншире как раз вовремя, чтобы получить серьезную рану во время усмирения мятежа. Он провел свою трудовую жизнь в ста пятидесяти милях от могилы Джона Чинна и командовал полком маленьких диких горцев, большинство которых знало его отца. Его сын Джон родился в маленьком военном поселении с соломенными крышами, глиняными стенами, даже в настоящее время находящемся на расстоянии восьмидесяти миль от ближайшей железной дороги, в центре дикой страны, где водятся тигры. Полковник Лайонель Чинн прослужил тридцать лет и вышел в отставку. В Канале его пароход встретился с военным судном, которое несло его сына на восток для исполнения семейных обязанностей.

Чинны счастливее многих людей, потому что знают точно, что им следует делать. Умный Чинн поступает чиновником в Бомбее, а затем отправляется в Центральную Индию, где все рады видеть его. Глупый Чинн поступает в департамент полиции или в лесной и раньше или позже также появляется в Центральной Индии. По этому поводу сложили даже пословицу: «Центральная Индия населена бхилиями, Мейрами и Чиннами, весьма похожими друг на друга. Эта порода худощава, потому что кости у ее представителей тонки, смугла, молчалива, и даже самые глупые из этих людей хорошие стрелки». Джон Чинн второй был человек среднего ума, но, как старший сын, он стал военным по традиции семьи Чиннов. Его долг состоял в том, чтобы оставаться в полку своего отца в течение всей своей жизни, хотя этот корпус был из тех, где служить было не особенно приятно, так что многие дорого дали бы, чтобы избавиться от службы в нем. Полк этот принадлежал к числу иррегулярных; люди маленького роста, смуглые носили мундиры карабинеров – зеленые, с черными кожаными выпушками; друзья называли их «вуддарсами», что означает люди низшей касты, которые выкапывают крыс и едят их. Но вуддарсы не сердились на это. Они были единственными в своем роде, и у них были свои причины для гордости.

Во-первых, английских офицеров у них было меньше, чем в каком-либо туземном полку. Во-вторых, на параде их субалтерны не ездили верхом, как это обычно бывает, а шли впереди своих людей. Человек, который может идти рядом с вуддарсами, когда они идут быстрым шагом, должен обладать хорошим дыханием и хорошо развитыми мускулами. В-третьих, они были лучшие «пукки», «шиккари» (охотники) во всей Индии. В-четвертых, они были вуд-

дарсы, и хотя официально считались состоящими в бхильских иррегулярных войсках – все же навеки оставались вуддарсами.

Ни один англичанин не входил в их столовую, за исключением тех, кого они любили или к которым привыкли. Офицеры разговаривали с солдатами на языке, который понимали человек двести белых во всей Индии; и солдаты были их детьми, набранными из бхилей, быть может, самой странной расы из всех многочисленных странных рас Индии. Это были – и, в сущности, остались до сих пор – дикари, скрытные, робкие, полные несказанных предрассудков. Расы, которые мы называем туземцами, застали бхилей уже владельцами земли, когда в первый раз появились в стране тысячи лет тому назад. В книгах они называются преариями, аборигенами и дравидами. Когда какой-нибудь раджпутанский вождь, барды которого могут воспевать его родословную за тысячу двести лет, восходит на престол, его инвеститура { Возведение в сан, должность. – Ред. } не закончена, пока на лбу его нет значка, сделанного кровью из жил кого-нибудь из бхилей. Раджпуты говорят, что эта церемония не имеет значения, но бхиль знает, что это последняя тень его старинных прав как давнишнего владельца страны.

Столетия угнетения и истребления сделали бхилиа жестоким, полубезумным вором и похитителем скота, и, когда пришли англичане, он казался настолько же способным к цивилизации, как тигр его джунглей. Но Джон Чинн Первый, отец Лайонеля, нашего Джона, пришел в страну бхилиа, жил с ним, научился его языку, стреляя оленей, которые похищали его скудную жатву, и приобрел его доверие, так что некоторые из бхилей научились пахать и сеять, а других сумели уговорить поступить на службу Компании, чтобы охранять ее от своих же друзей.

Когда бхили поняли, что стояние в строю не влечет за собой немедленной казни, то приняли солдатскую службу как затруднительный, но забавный вид спорта и старались держать своих диких собратьев под контролем, что было довольно-таки сложно.

Джон Чинн Первый дал им письменное обещание, что, если они станут с определенного момента вести себя хорошо, правительство не обратит внимания на их прежние прегрешения; а так как всем было известно, что Джон Чинн никогда не нарушает своего слова (однажды он обещал повесить одного из бхилей, считавшегося неуязвимым в данной местности, и повесил его на виду его племени за семь доказанных убийств), то бхили стали вести себя насколько могли степенно. Это была медленная, незаметная работа, какая происходит теперь по всей Индии; и хотя единственной наградой Джону Чинну, как я говорил, был памятник от правительства, маленький горный народ не забыл его.

Полковник Лайонель Чинн знал и также любил туземцев, и к концу его службы они были достаточно цивилизованы для бхилей. Многих из них едва можно было отличить от индусов-фермеров из низшей касты; но на юге, где был похоронен Джон Чинн Первый, наиболее дикие из бхилей еще селились около Сатурских хребтов, лелея мечту, что в один прекрасный день Джан Чинн, как они его называли, вернется к своим. А пока они подозрительно относились к белому человеку и его действиям. При малейшем возбуждении они бросались грабить что попало, а иногда и убивали; но если с ними обращались умело, они становились кроткими, как дети, и обещали никогда больше не делать этого.

Бхили – мундирные люди, – служившие в полку, были добродетельны во многих отношениях, но требовали умелого обращения. Они скучали и тосковали по родине, если их не брали на охоту на тигров, как загонщиков; их хладнокровная смелость – все вуддарсы сражаются с тиграми пешие: это отличительный признак их касты – вызывала удивление даже среди офицеров. Они шли за раненым тигром так спокойно, как будто это была ласточка со сломанным крылом; и это в стране, полной пещер, ущелий и пропастей, где один дикий зверь может держать в своей власти дюжину людей. Время от времени какого-нибудь человека приносили в казармы с раздробленной головой или сломанными ребрами, но это обстоятельство не учило осторожности его товарищей – они довольствовались тем, что приканчивали тигра.

Молодой Джон Чинн соскочил на ступени веранды уединенной столовой вударсов с заднего сиденья двухколесного кабриолета; при этом забренчали его ружья в чехлах. Тонкий, маленького роста горбоносый юноша с потерянными видом, словно заблудившаяся коза, отряхивал белую пыль с колен; кабриолет, подскакивая на ходу, поехал обратно под палящими лучами солнца. Но в глубине души юноша был доволен. Во всяком случае, это было место его рождения и немного изменилось с тех пор, как мальчиком его отослали в Англию пятнадцать лет тому назад.

Построили несколько новых зданий, но воздух, запах и солнечный свет были те же, что и прежде, а маленькие зеленые люди, проходившие по плацу, имели очень знакомый вид. Три недели тому назад Джон Чинн сказал бы, что не помнит ни слова из бхильского языка, но у дверей столовой он заметил, что губы его движутся и произносят непонятные для него фразы – отрывки старинных детских песенок и приказаний, отдаваемых, бывало, его отцом.

Полковник взглянул на него, когда он подымался по лестнице, и рассмеялся.

– Взгляните! – сказал он майору. – Нет необходимости спрашивать о фамилии этого юноши. Он «пукка», {Молодец.} Чинн. Мог бы быть как отец в пятидесятых годах.

– Надеюсь, что он будет так же хорошо стрелять, – сказал майор. – Железного товара он привез достаточно.

– Да уж, без этого какой же он был бы Чинн! Посмотрите хорошенько, как он сморкается. Настоящий клюв Чиннов. И платком размахивает, как его отец. Это второе издание – строчка в строчку.

– Волшебная сказка, клянусь Юпитером! – сказал майор, выглядывая через щели жалюзи. – Если он законный наследник, то... Ну, впрочем, сейчас видно, что этот цыпленок похож на старого Чинна.

– Его сын! – сказал полковник, вскакивая с места.

– Да, черт возьми! – сказал майор.

Взгляд юноши упал на сломанный тростниковый щит, висевший между колоннами веранды, и он машинально приподнял конец его и установил щит прямо. Старик Чинн ругался ежедневно раза три и никак не мог привести этот щит в нормальное положение. Его сын вошел в приемную среди безмолвия пяти собравшихся человек. Его встретили радушно из-за отца, а познакомившись с ним, и из-за него самого. Он был до смешного похож на портрет полковника, висевший на стене, а когда отмылся немного от пыли, то пошел в свои комнаты быстрой бесшумной походкой старика, привыкшего к джунглям.

– Какова наследственность! – сказал майор. – Это происходит от того, что три поколения их прожили среди бхилей.

– И здешние люди знают это, – сказал один из офицеров. – Они ожидали этого юношу, высунув языки от нетерпения. Я уверен, что, если он не будет держать себя слишком властно, они повалятся перед ним ниц целыми ротами и будут поклоняться ему.

– Нет ничего лучше, ежели вам предшествовал ваш отец, – сказал майор. – Для моих людей я – выскочка. Я пробыл в полку только двадцать лет, а мой уважаемый родитель – простой сквайр. Никак не проникнуть в душу бхилия. Ну чего этот человек, которого привез с собой молодой Чинн, бегаёт так со своим узлом? – Он вышел на веранду и кликнул неизвестного – типичного слугу вновь назначенного субалтерн-офицера, говорящего по-английски и надувающего своего господина.

– Что такое? – крикнул майор.

– Здесь множество дурных людей. Я ухожу, сэръ, – ответил слуга. – Взяли ключи сахиба и говорят, что будут стрелять.

– Чертовски ясно – чертовски убедительно! Как ловко обрабатывают дела эти воры из верхней страны! Кто-то сильно напугал его. – Майор отправился в свои комнаты, чтобы одеться к обеду.

Молодой Чинн, идя словно во сне, обошел всю стоянку, прежде чем направиться в свой крошечный коттедж. Он несколько задержался, осматривая помещение, в котором родился; потом он посмотрел на фонтан на плацу, где он, бывало, сидел по вечерам со своей няней, и на маленькую церковь, куда ходили офицеры, когда в лагерь случайно заглядывал капеллан какой-либо официальной религии. Все казалось ему очень маленьким по сравнению с гигантскими зданиями, к которым он привык, но местность была та же самая.

Время от времени он проходил мимо кучки безмолвных солдат, отдававших ему честь. Это могли быть те самые люди, которые носили его на спине, когда он только что надел штанишки. Слабый огонь горел в его комнате, и, когда он вошел, чьи-то руки обхватили его ноги и чей-то голос с полу прошептал какие-то слова.

– Кто это? – сказал молодой Чинн, не сознавая, что он говорит на языке бхилей.

– Я носил вас на руках, сахиб, когда я был сильным человеком, а вы маленьким – все плакавшим, плакавшим, плакавшим! Я – ваш слуга, как был раньше слугой вашего отца. Мы все ваши слуги.

Молодой Чинн не решился ответить, а голос продолжал:

– Я взял ваши ключи от толстого иностранца и отослал его, а запонки вдел в рубашку, которую вы наденете к обеду. Кому и знать, как не мне! Итак, ребенок стал мужчиной и забыл того, кто нянчил его, но мой племянник будет хорошим слугой, а не то я буду колотить его каждый день.

Тут с шумом поднялся с пола прямой, как бхильская стрела, маленький, седоволосый, сморщенный, похожий на обезьяну человек с орденами и медалями на мундире. Он бормотал что-то, заикаясь, отдавал честь и дрожал. За ним стоял молодой, сухопарый бхиль и вынимал колодки из парадных сапог Чинна.

Глаза Чинна были полны слез. Старик протянул ему ключи.

– Иностранцы дурной народ. Он никогда не вернется. Мы все слуги сына вашего отца. Разве сахиб забыл, кто брал его смотреть пойманного тигра в селение за рекой; еще ваша матушка так испугалась, а сахиб был так храбр?

Сцена эта прошла перед глазами Чинна, словно в волшебном фонаре.

– Букта! – вскрикнул он и сразу прибавил: – Вы обещали, что со мной ничего не случится. Так это вы, Букта?

Старик снова бросился к его ногам.

– Он не забыл! Он помнит свой народ, как помнит отец! Теперь я могу умереть. Но сначала я хочу жить и показать сахибу, как надо убивать тигров. Вот это мой племянник. Если он будет нехорошо служить вам, бейте его и отправляйте ко мне, и я наверно убью его, потому что сахиб теперь здесь у своего народа. Ай, Джан баба – Джан баба! Мой Джан баба! Я останусь здесь и буду присматривать, чтобы этот малый хорошо исполнял свое дело. Сними с него сапоги, дурак! Сядьте на кровать, сахиб, и дайте мне посмотреть на вас. Это действительно Джан баба.

Он выдвинул рукоятку своей сабли в знак готовности служить; это почесть, оказываемая только вице-королям, губернаторам, генералам и маленьким, горячо любимым детям. Чинн машинально дотронулся до рукоятки, бормоча сам не зная что. Это оказалось тем именно ответом, который он давал в детстве Букте, когда тот шутя называл его генералом-сахибом.

Квартира майора была напротив квартиры Чинна. Когда майор увидел, что его слуга чуть не задохнулся от удивления, он заглянул в комнату Чинна. Потом он сел на кровать и присвистнул, потому что зрелище, которое представлял старший туземный офицер полка, чистокровный бхиль, кавалер ордена Британской Индии, тридцать пять лет беспорочно прослуживший в армии, занимающий среди своих положение более высокое, чем занимают многие бенгальские князьки, предстающий в роли лакея только что вступившего в полк субалтерн-офицера, сильно подействовало на его нервы.

Громкие трубы проиграли сигнал к обеду, призыв, о котором существует длинная легенда. Сначала несколько пронзительных нот вроде криков охотников, загоняющих зверя в берлогу, затем раздался громкий, звучный призыв дикой песни: «И-о-о-о!!! зелены склоны Мундора-Мундора».

– Все маленькие дети бывают уже в кроватях, когда сахиб в последний раз слышал этот призыв, – сказал Букта, подавая Чинну чистый носовой платок. Звук призыва вызвал в молодом человеке воспоминание о его постели под сетью от москитов, о поцелуе матери и о звуке удаляющихся шагов, когда он засыпал среди своих людей. Он застегнул темный воротник своей новой обеденной куртки и пошел обедать, словно принц, только что наследовавший корону своего отца.

Старик Букта вошел, раскачиваясь и покручивая усы. Он знал себе цену, и никакие деньги, никакое положение, которое могло бы дать ему правительство, не могли бы заставить его вдевать запонки в рубашки молодого офицера или подавать ему чистые галстуки. Но когда он снял вечером свой мундир и присел на корточки среди своих, чтобы спокойно покурить, он рассказал им, что сделал, и они сказали, что он вполне прав. Тут Букта выдвинул теорию, которая показалась бы полным безумием для души белого человека; но перешептывавшиеся плоскоголовые маленькие военные люди рассмотрели ее со всех сторон и решили, что она может иметь большое значение.

За обедом, при свете масляных ламп, разговор обратился к неистощимой теме – «шикарю», т. е. охоте на крупную дичь всякого рода и при различных условиях. Молодой Чинн вытаращил глаза, когда убедился, что каждый из его собеседников убил по несколько тигров способом вуддарсов – т. е. охотясь пешком. Все они говорили так, как будто дело шло не о тиграх, а просто о собаке.

– В девяти случаях из десяти, – сказал майор, – тигр почти так же мало опасен, как и дикообраз. Но в десятом вы являетесь домой ногами вперед.

Тут заговорили все, и задолго до полуночи у Чинна голова пошла кругом от историй о тиграх – пожирателях людей и убийцах скота, которые делают свое дело так же методично, как клерки в конторе, о новых тиграх, недавно появившихся в таких-то участках, и о старых, знакомых зверях, больших хитрецах, известных под разными прозвищами среди офицеров, – например, о ленивом «Погги» с большими лапами, и о «Миссис Малопрот», появлявшейся, когда ее никак не ожидали, и издававшей особые крики, свойственные самкам. Потом заговорили о предрассудках бхилей – обширный живописный сюжет для рассказов, и молодой Чинн сказал наконец, что они, вероятно, просто смеются над ним.

– Право, нет, – сказал офицер, сидевший слева от него. – Мы знаем о вас все. Вы – Чинн и вы имеете здесь права известного рода; но если вы не верите тому, что мы рассказываем, что будете вы делать, когда старый Букта начнет свои истории? Он знает о тиграх-привидениях и тиграх, которые отправляются в их собственный ад, и о тиграх, ходящих на задних лапах, а также и о верховом тигре вашего дедушки. Странно, что он еще не говорил с вами об этом.

– Вы знаете, что один из ваших предков похоронен близ Сатпурской дороги? – сказал майор, когда Чинн нерешительно улыбнулся.

– Конечно, знаю, – ответил Чинн, который знал наизусть хронику Чиннов. Хроника эта лежит в старой, потрепанной счетной книге на китайском лакированном стуле, за роялем, в девонширском доме, и детям позволяют по воскресеньям просматривать ее.

– Ну а я не знал. По словам бхилей, ваш уважаемый предок, мой мальчик, имеет своего собственного тигра – оседланного тигра, на котором он объезжает страну, когда ему захочется. Я лично не считаю это приличным со стороны призрака бывшего сборщика податей, но южные бхили верят в это. Даже наши люди, которых можно назвать довольно хладнокровными, не любят выходить из дома, когда слышат, что Джан Чинн разъезжает на своем тигре. Считают,

что этот тигр не полосатый, а пятнистый, как пантера. Это ужасный зверь и верный предвестник войны, мора или... или еще чего-нибудь. Славная фамильная легенда для вас!

– Как вы предполагаете, каково ее происхождение? – сказал Чинн.

– Спросите сатпурских бхилей. Старик Джан Чинн был великий ловец перед Господом. Может быть, это мечь тигров, а может быть, он до сих пор охотится на них. Вам нужно как-нибудь съездить на его могилу и порасспросить там. Букта, вероятно, устроит это. Еще до вашего приезда он расспрашивал меня, не узнали ли вы по какому-нибудь несчастному случаю эту историю с тигром. Если нет, то он возьмет вас под свое крылышко. Для вас, конечно, это более необходимо, чем для кого бы то ни было. Вы славно проведете время с Буктой.

Майор не ошибался. Во время ученья Букта с тревогой смотрел на молодого Чинна; замечательно, что, когда новый офицер в первый раз повысил голос, отдавая приказание, весь строй дрогнул. Даже полковник смутился: казалось, что вернулся из Девоншира Лайонель Чинн, возродившийся к жизни. Букта продолжал развивать свою особую теорию среди близких друзей, и солдаты принимали ее на веру, так как каждое слово, каждый жест молодого Чинна подтверждали эту теорию.

Старик вскоре устроил так, что его любимца не могли больше упрекнуть в том, что он никогда не убивал тигра; но он не удовольствовался бы, если бы этот тигр был первым попавшимся. В своих селениях он олицетворял собой высшую, среднюю и низшую инстанции суда, и когда его соплеменники – голые и дрожащие – пришли сообщить ему о замеченном ими тигре, он приказал им разослать разведчиков ко всем ручьям и водопоям, чтобы убедиться, соответствует ли добыча достоинству такого человека.

Раза три-четыре разведчики возвращались и откровенно говорили, что выслеженный ими тигр чесоточный, малорослый. Иногда то была тигрица, истощенная кормлением, иногда беззубый старый самец – и Букта сдерживал нетерпение молодого Чинна.

Наконец, заметили благородного зверя – десятифутового убийцу скота, с громадной висящей складкой кожи вдоль живота, с блестящей, густой шерстью, с длинными усами, живого и молодого. Говорили, что он убил человека просто ради спортивного интереса.

– Покормите его, – сказал Букта, и поселяне послушно погнали коров, чтобы позабавить зверя и заставить залечь вблизи.

Государи и влиятельные лица приезжали из-за моря в Индию и тратили большие деньги только ради того, чтобы взглянуть на животных, наполовину не таких красивых, как тигр Букты.

– Нехорошо, – сказал он полковнику, прося у него отпуск на охоту, – чтобы сын моего полковника, который, может быть... чтобы сын моего полковника свершил свой первый охотничий подвиг на каком-нибудь зверьке джунглей! Я долго дождался настоящего тигра. Он пришел из страны маиров. Через неделю мы вернемся с его шкурой.

Офицеры с завистью заскрежетали зубами. Букта, если бы захотел, мог пригласить всех их. Но он поехал один с Чинном. Два дня они ехали в охотничьем кабриолете, а потом шли день пешком, пока не дошли до каменистой, залитой солнцем долины с озером хорошей воды. День был знойный; юноша, естественно, разделся и пошел купаться, оставив Букту сторожить его одежду. Белая кожа ясно выступает на темном фоне джунглей, и то, что увидел Букта на спине и правом плече Чинна, заставило его идти вперед, шаг за шагом, с выпученными глазами.

– Я забыл, что неприлично раздеваться перед человеком его положения, – сказал Чини, ныряя в воду. – Как, однако, он на меня уставился! Что такое, Букта?

– Знак! – послышался ответ шепотом.

– Это ничего! Вы знаете, что это бывает у нас в роду. – Чинну было неприятно. Он совершенно забыл о темно-красном родимом пятне на плече, не то он не стал бы купаться. Дома говорили, что оно появляется через поколение, и что удивительно – через восемь или девять лет после рождения. Не будь это пятно частью наследственности Чиннов, его нельзя было бы

считать красивым. Молодой человек быстро оделся и пошел с Буктой. Дорогой они встретили двух-трех бхилей, которые мгновенно пали ниц.

– Мой народ, – проворчал Букта, не удостаивая их своим вниманием, – а потому и ваш народ, сахиб. Когда я был молодым человеком, нас было меньше, но мы были не так слабы. Теперь нас много, но мы плохи. Как вы будете стрелять в него, сахиб? С дерева? Или из-за прикрытия, которое выстроят мои люди?.. Днем или ночью?

– Пешком и днем, – сказал молодой Чинн.

– Таков был ваш обычай, насколько я слышал, – проговорил про себя Букта. – Я соберу вести о нем. Тогда мы с вами пойдем на него. Я понесу одно ружье. Вы возьмете свое. Больше не нужно. Какой тигр устоит против тебя?

Тигра нашли у маленькой впадины, наполненной водой, в ложине, сытого и дремлющего под лучами майского солнца. Его разбудили, как куропатку, и он обернулся, чтобы сразиться за свою жизнь. Букта не двинулся с места и не поднял ружья, но не сводил глаз с Чинна, который встретил оглушающий рев тигра единственным выстрелом – ему показалось, что с тех пор, как он прицелился, прошло несколько часов. Пуля, пройдя через горло, раздробила затылочную кость и прошла между лопаток.

Тигр согнулся, задыхаясь, и упал, и, прежде чем Чинн понял, что случилось, Букта сказал ему, чтобы он подождал, пока он, Букта, сосчитает расстояние между лапами и его щелкающими челюстями.

– Пятнадцать, – сказал Букта. – Нет необходимости во втором выстреле, сахиб. Он начисто истечет кровью, и нам не нужно портить шкуру. Я говорил, что этих ненужно, но они пришли – на всякий случай.

Внезапно все края лощины увенчались головами близких Букты. То была сила, которая могла бы сокрушить ребра тигру, если бы выстрел Чинна не удался; но ружья их были спрятаны, и сами они являлись только заинтересованными зрителями; человек пять-шесть дожидались приказа снять шкуру. Букта наблюдал, как жизнь исчезала из диких глаз, поднял одну руку и повернулся на каблуке.

– Не надо показывать, что мы обращаем большое внимание на это, – сказал он. – После этого мы можем убивать кого угодно. Протяните руку, сахиб.

Чинн исполнил приказание. Рука совершенно не дрожала, и Букта кивнул головой.

– Это тоже было обычным делом для вас. Мои люди быстро снимают шкуру. Они отнесут шкуру на место стоянки. Не переночует ли сахиб в моем бедном поселке и не забудет ли, что я его офицер?

– Но эти люди, которые сопровождают нас? Они много потрудились и, может быть...

– О, если они плохо снимут шкуру, мы спустим шкуру с них самих. Это мои люди. В полку я одно, а здесь совсем другое.

Это было вполне справедливо. Когда Букта снял мундир и надел сшитое из лоскутков платье своего народа, он совершенно отказался от цивилизации и военной службы. Эту ночь, после короткого разговора со своими приближенными, он посвятил оргии, а оргия бхилей не такая вещь, чтобы ее можно было описывать. Чинн, разгоряченный триумфом, присутствовал на ней, но смысл мистерий был скрыт от него. Дикая толпа подходила к нему и толпилась у его ног, принося дары. Он давал свою фляжку старшинам селения. Они стали красноречивыми и увенчали его цветами. Подарки и приношения, не все подходящие, сыпались на него, а дьявольская музыка бешено гремела вокруг красных огней, между тем как певцы пели песни древних времен и танцевали необыкновенные танцы. Туземные напитки очень крепки, а Чинну пришлось пробовать их; если в них не было ничего подмешано, то как могло случиться, что он внезапно уснул и проснулся поздно на следующий день – уже на половине перехода от селения?

– Сахиб очень устал. Перед зарей он уснул, – объяснил Букта. – Мои люди отнесли его сюда, и теперь нам время идти по квартирам.

Голос тихий и почтительный, походка уверенная и беззвучная – как трудно было поверить, что несколько часов тому назад Букта кричал и скакал вместе с другими обнаженными дьяволами.

– Мои люди были очень рады повидать сахиба. Они никогда не забудут этого. Когда сахибу понадобятся рекруты, он пойдет к моему народу и ему дадут сколько нужно людей.

Чинн умолчал обо всем, кроме того, что он застрелил тигра, а Букта бесстыдно украсил этот рассказ. Шкура действительно была одна из самых красивых когда-либо висевших в столовой полка и лучшей из многих. Когда Букта не мог сопровождать своего мальчика на охоту, он отдавал его в хорошие руки, и Чинн изучил всю душу диких бхилей во время своих странствий и остановок, разговоров в сумерки у придорожных ручьев лучше, чем может изучить другой человек за всю свою жизнь.

Мало-помалу люди его полка стали смелее и начали говорить о своих родственниках – большей частью попавших в какую-нибудь беду, и рассказывать ему об обычаях своего племени. Сидя на корточках в сумерки на веранде, они рассказывали ему в легкой, доверчивой манере вуддарсов, что такой-то холостяк убежал с женой такого-то из дальнего селения. Как думает Чинн-сахиб, сколько коров следует получить мужу в виде компенсации? Или, если получено письменное приказание правительства, чтобы такой-то бхиль явился в обнесенный стенами город на равнине и дал показания на суде, умно ли будет, если он не обратит внимания на это приказание? С другой стороны, если послушаться, то вернется ли живым смелый путешественник?

– Но что мне за дело до всего этого? – нетерпеливо спрашивал Чинн Букту. – Я солдат. Я не знаю законов.

– У! Закон для дураков и белых людей. Отдай им приказание громко, и они исполнят его. Ты их закон.

– Но почему?

Лицо Букты окаменело. Быть может, эта мысль впервые поразила его.

– Как я могу сказать? – ответил он. – Может быть, тут значит имя. Бхили не любят ничего незнакомого. Отдавайте им приказания, сахиб, – два, три, четыре слова, чтобы они оставались у них в голове. Этого будет достаточно.

Поэтому Чинн храбро отдавал приказания, не представляя себе, что каждое его слово, необдуманно сказанное перед офицерами в столовой, становилось страшным, безапелляционным законом в деревнях за горами, покрытыми дымкой, – являлось ни более ни менее как законом Джана Чинна Первого, который, как говорила передаваемая шепотом легенда, вернулся на землю, чтобы наблюдать за третьим поколением в образе своего внука.

Сомнения не могло быть. Все бхили знали, что воплотившийся Джан Чинн почтил своим присутствием селение Букты после того, как убил первого – в этой жизни – тигра; что он ел и пил с местными жителями, как делал это и прежде; и Букта, должно быть, влил какое-нибудь крепкое зелье в питье Чинна – все люди видели на его спине и правом плече такое же гневное, красное Летучее Облако, какое высокие боги положили на тело Джана Чинна, когда он впервые появился у бхилей. Для глупых белых, не имеющих глаз, это был просто стройный молодой офицер в вуддарском полку; но его люди знали, что он Джан Чинн, который сделал бхилиа человеком; и, веря в это, они торопились распространить его слова, бережно стараясь сохранить их первоначальное значение.

Дикарь и одиноко играющий ребенок испытывают одинаковый страх при мысли, что над ними могут смеяться или станут расспрашивать их, и потому маленький народ заботливо таил свои убеждения. Полковник, воображавший, что он хорошо знает свой полк, и не подозревал, что каждый из шестисот быстроногих, с глазками как бисеринки, солдат, стоявших с ружьями, спокойно и безусловно верил, что субалтерн-офицер, стоявший на левом фланге, – полубог,

дважды рожденный, божество, охраняющее их землю и народ. Сами боги земли отметили это воплощение, а кто может усомниться в деяниях богов земли?

Чинн, чрезвычайно практичный, увидел, что его фамильное имя придает ему большой вес, как на службе, так и в лагере. Солдаты не доставляли ему никаких беспокойств – невозможно совершать проступки по службе, когда на судейском кресле восседает бог, – и он мог быть уверен, что, когда ему будет нужно, у него окажутся лучшие в окрестности охотники. Они были уверены, что покровительство Джана Чинна Первого хранит их, и в этой уверенности были смелее самых смелых из бхилей.

Его квартира начала принимать вид любительского музея естествознания, несмотря на то, что он посылал в Девоншир дубликаты голов, рогов и черепов. Народ, как свойственно человеческому роду, узнал слабую сторону своего бога. Правда, он был неподкупен, но чучела птиц, бабочки, жуки, и в особенности известия о появлении крупной дичи, нравились ему. И в других отношениях он жил по традиции Чиннов. Он был недоступен лихорадке. Ночь, проведенная на старом пне, в сырой долине, что заставило бы майора прохворать малярией целый месяц, не оказывала на него никакого влияния. Про него говорили, что он «просолен раньше, чем родился».

Осенью, на второй год после его приезда, откуда-то из-под земли появился тревожный слух и распространился между бхилиями. Чинн ничего не слышал, пока один из его товарищей офицеров не сказал ему за обедом:

– Ваш почтенный предок разъезжает по Сатпуру. Вам бы поглядеть на него.

– Я не желаю быть непочтительным, но мой почтенный предок несколько надоел мне. Букта только и говорит о нем. Что такое проделывает теперь старик?

– Разъезжает по стране верхом на своем тигре при свете луны. Вот какое дело. Около двух тысяч бхилей видели, как он ездил вдоль вершин Сатпура и испугал до смерти людей. Они набожно верят в это, и все молодцы из Сатпура поклоняются ему перед его алтарем, я хочу сказать – могилой, как и полагается. Вам, в самом деле, следовало бы поехать туда. Должно быть, интересно видеть, что с вашим предком обращаются, как с богом.

– Что заставляет вас думать, что в этом рассказе есть правда? – сказал Чинн.

– То, что все наши люди отрицают это. Они говорят, что никогда не слышали о тигре Чинна. Ну, это явная ложь, потому что каждый бхиль слышал об этом.

– Тут вы только забыли об одном, – задумчиво проговорил полковник. – Когда местный бог появляется на земле, это всегда бывает предлогом для какого-нибудь волнения, а эти сатпурские бхили почти такие же дикари, какими оставил их ваш дедушка. А это кое-что значит.

– Вы думаете, что они могут восстать? – сказал Чинн.

– Не могу сказать пока. Не удивился бы, если бы было так.

– Мне не говорили ни слова.

– Тем более. Они что-то скрывают.

– Букта всегда все рассказывает мне. Почему же он не рассказал мне этого?

Вечером он задал этот вопрос старику, и ответ Букты удивил молодого человека.

– К чему говорить о том, что хорошо известно? Да, Заоблачный Тигр гуляет по Сатпурской стране.

– Что это означает, по мнению диких бхилей?

– Они не знают. Они ждут, сахиб, что будет. Скажите только одно словечко, и мы будем довольны.

– Мы? Какое отношение имеют рассказы, идущие с юга, где живут бхили джунглей, к солдатам?

– Когда Джан Чинн просыпается, никто из бхилей не может быть спокоен.

– Но он не проснулся, Букта.

– Сахиб, – глаза старика были полны нежного упрека, – если он не желает, чтобы его видели, то зачем же он разъезжает при лунном свете? Мы знаем, что он проснулся, но не знаем, чего он желает. Что это, знамение для всех бхилей или только для обитателей Сатпура? Скажите только одно словечко, сахиб, чтобы я мог распространить его в войсках и переслать в наши селения. Зачем ездит Джан Чинн? Кто поступил нехорошо? Что это, мор?.. Падеж?.. Умрут наши дети? Война? Помни, сахиб, мы твой народ и твои слуги, и в этой жизни я носил тебя на руках, не зная, кто ты.

«Букта, очевидно, заглянул вечером на доньшко стакана, – подумал Чинн, – но если я могу сделать что-нибудь для утешения старика, надо сделать. Это вроде слухов, распускавшихся во время большого восстания, только в меньших размерах».

Он опустился в плетеное кресло, на которое была наброшена шкура первого тигра, убитого им; под тяжестью его тела подушка подалась, и лапы с когтями упали ему на плечи. Разговаривая, он машинально закутался в полосатую шкуру, как в плащ.

– Ну, теперь я скажу правду, Букта, – сказал он, наклоняясь, чтобы выдумать какую-нибудь ложь.

Высохшая морда тигра лежала у него на плече.

– Я вижу, что это правда, – дрожащим голосом ответил старик.

– Джан Чинн разъезжал среди гор Сатпура на Заоблачном Тигре, говорите вы. Пусть будет так. Поэтому знамение, вызывающее удивление, касается только сатпурских бхилей и не относится к бхилиям, которые пашут землю на севере и на востоке, к бхилиям из Кандеша и ни к каким другим, кроме сатпурских, как известно, диких и глупых.

– Так это знамение для них? Хорошее или дурное?

– Без сомнения, хорошее. Зачем Джан Чинн стал бы причинять вред тем, из кого он сделал людей? Ночи там жаркие; вредно лежать в постели, слишком долго не ворочаясь, и Джану Чинну захотелось посмотреть на свой народ. Поэтому он встает, призывает свистом своего тигра и отправляется подышать немного свежим воздухом. Если бы сатпурские бхили оставались в своих селениях и не разгуливали в темноте, они не видели бы его. Право, Букта, ему просто захотелось выйти на свет в своей родной стране. Пошлите известие об этом на юг и скажите, что это мое слово.

Букта поклонился до полу.

«Боже мой! – подумал Чинн. – И этот подмигивающий язычник – отличный офицер, замечательно верный и честный! Надо сказать как-нибудь покрасивее». Он продолжал:

– Если сатпурские бхили спросят, что значит это знамение, скажите им, что Джан Чинн захотел посмотреть, как они держат свое обещание вести хорошую жизнь. Может быть, они занимались грабежом; может быть, собираются не подчиниться какому-нибудь приказанию правительства; может быть, в джунглях есть мертвец, и потому Джан Чинн явился, чтобы посмотреть.

– Так он сердит?

– Ба! Разве я сержусь когда-нибудь на моих бхилей?.. Я видел, как ты улыбался, прикрываясь рукой. Я знаю, и ты знаешь. Бхили – мои дети. Я говорил это много раз.

– Да. Мы твои дети, – сказал Букта.

– То же самое и с Джаном Чинном, отцом моего отца. Ему захотелось повидать любимую страну и народ. Это добрый призрак. Я говорю это. Иди и скажи им. И я надеюсь от всей души, – прибавил он, – что это успокоит их. – Отбросив тигровую шкуру, он встал с продолжительным, неудержимым зевком, показавшим его прекрасные зубы.

Букта убежал. В полку его встретила кучка людей, задыхавшаяся от нетерпения.

– Это верно, – сказал Букта. – Он завернулся в шкуру и говорил оттуда. Знамение не для нас; и действительно, он молодой человек. Как может он лежать спокойно по ночам? Он

говорит, что в постели ему слишком жарко, душно. Он разъезжает, потому что любит ночные прогулки. Он сказал это.

Седоусое собрание вздрогнуло.

– Он говорит, что бхили – его дети. Вы знаете, что он не лжет. Он сказал это мне.

– А как насчет сатпурских бхилей? Что значит это знамение?

– Ничего. Это просто, как я сказал, ночные прогулки. Он ездит, чтобы посмотреть, исполняются ли приказания правительства, как он учил это делать в свою первую жизнь.

– А что будет, если они их не исполнят?

– Он не сказал.

В помещении Чинна потух свет.

– Взгляните, – сказал Букта. – Вот он уходит. Во всяком случае, это добрый призрак, по его словам. Как нам бояться Джана Чинна, который сделал человека из бхилия? Его покровительство обещано нам, а вы знаете, что Джан Чинн никогда не нарушал обещания, как словесного, так и написанного на бумаге. Когда он станет старше и найдет себе жену, он будет лежать в постели до утра.

Командир всегда узнает состояние духа полка раньше, чем солдаты, поэтому полковник сказал через несколько дней, что кто-то внушил вуддарсам страх Божий. Так как он был единственным лицом, которое официально должно было внушать это чувство, то его огорчила эта общая добродетель, не им внушенная.

– Это слишком хорошо, чтобы долго продержаться, – говорил он. – Хотелось бы мне знать, что задумали эти маленькие люди?..

Объяснение, как ему казалось, он получил через месяц, когда пришло приказание приготовиться «на случай возможного возбуждения среди сатпурских бхилей». Эти бхили – говоря мягко – волновались вследствие того, что отечески заботившееся о них правительство выслало против них воспитывавшегося в Маратте за счет государства оспопрививателя с ланцетами, лимфой и официально зарегистрированным теленком. На государственном языке, «они оказали сильное сопротивление профилактическим мерам», «насиленно задержали оспопрививателя» и «были близки к пренебрежению племенными обязанностями или к нарушению их».

– Это значит, что они готовы вспыхнуть, как порох, как это было во время переписи, – сказал полковник, – если мы загоним их в горы, то никогда не пойдем их, во-первых, а во-вторых, они будут заниматься грабежом до следующего приказания. Удивляюсь, какой это Богом забытый идиот собирается прививать оспу бхилиям! Я так и знал, что будут волнения. Хорошо еще, что пускают в дело только местный корпус; мы можем лишиться наших лучших егерей из-за того, что они не хотят, чтобы им прививали оспу! Они с ума сошли.

– Как вы полагаете, сэр, – сказал на следующий день Чинн, – не могли ли бы вы дать мне отпуск на две недели, чтобы поохотиться?

– Дезертирство в виду неприятеля, клянусь Юпитером! – Полковник засмеялся. – Я мог бы это сделать, но задним числом, так как нас предупредили, чтобы мы были наготове. Предположим, что вы просили отпуск три дня тому назад и теперь находитесь уже по пути на юг.

– Мне хотелось бы взять с собой Букту.

– Конечно, да. Я думаю, это будет самый лучший план. У вас есть какое-то наследственное влияние на этих ребят, и они станут слушать вас, тогда как один вид наших мундиров может довести их до безумия. Вы никогда не бывали в этой части света, не правда ли? Берегитесь, чтобы они не отослали вас в семейный склеп, в сиянии юности и невинности. Я думаю, будет хорошо, если вам удастся заставить их выслушать вас.

– Я думаю, да, сэр; но если... если они случайно глупо поведут себя – вы знаете, это может случиться, – я надеюсь, что вы сообщите, что они только испугались. В них нет ни грамма настоящей злой воли, и я никогда не простил бы себе, если бы кто-нибудь из моей фамилии навлек на них беду.

Полковник кивнул головой, но ничего не сказал.

Чинн и Букта немедленно уехали. Букта не рассказывал, что с тех пор, как официальный оспопрививатель был уведен насильно в горы негодующими бхилиями, гонец за гонцом являлись в полк и умоляли, лежа челом во прахе, чтобы Джан Чинн приехал к ним и объяснил, что за неизвестный ужас висит над его народом.

Предупреждения Заоблачного Тигра были теперь слишком ясны. Джан Чинн должен утешить свой народ, потому что помощь всякого смертного бесполезна. Букта смягчил эти мольбы, передав только просьбы, чтобы Чинн приехал к своему народу. Старику не могло быть ничего приятнее хорошенькой кампании против сапгуров, которых он презирал как чистокровный, «без примеси», бхиль; но у него, как посредника между народом и Джаном Чинном, был свой долг перед всей нацией, и он искренне верил, что сорок кар постигнут его селение, если он не выполнит свой долг. Кроме того, Джан Чинн уже объездил всю местность на Заоблачном Тигре и знал все.

Они прошли пешком и проехали на пони тридцать миль в день, как можно быстрее приближаясь к синей, похожей на стены, линии Сапгурских гор. Букта был очень молчалив.

Вскоре после полудня они стали подыматься по крутому склону, но закат был уже близок, когда они достигли каменной платформы, приткнувшейся к покрытой джунглями горе, где был похоронен, по его желанию, Джан Чинн Первый, чтобы иметь возможность следить за своим народом. Вся Индия полна заброшенных могил, ведущих свое происхождение с начала восемнадцатого века, – могил забытых полковников давно распущенных корпусов; офицеров судов Ост-Индской компании, отправившихся в охотничьи экспедиции и не вернувшихся назад; факторов, {Исполнитель частных поручений, комиссионер.} агентов и прочих служащих достопочтенной Ост-Индской компании; могилы эти встречаются сотнями, тысячами и десятками тысяч. Англичане забывают скоро, но туземцы обладают хорошей памятью, и, если человек сделал им добро при жизни, оно вспоминается и после его смерти. Полуразрушенная мраморная четырехугольная могила Джана Чинна была украшена полевыми цветами и орехами, сосудами с воском и медом, бутылками с местными напитками и ужасными сигарами, рогами буйволов и стеблями сухой травы. Около могилы стояло грубое глиняное изображение белого человека в цилиндре старинной формы, едущего на пятнистом тигре.

Букта поклонился с почтительным благоговением. Чинн обнажил голову и начал читать истертую надпись. Насколько он мог разобрать, вот что было написано, слово в слово и буква в букву:

Памяти Джона Чинна, эсквайра.
Бывшего сборщика...
...без кровопролития... или ошибки Власти
употребл... только... ства умиротвор... и Довер.
достиг... наго подчинения...
Беззаконного и хищнического нар...
нив их... скому Правительству
Побед... над умами
Самый постоянн... и рациональный способ Владен...
...Главный губернатор и Совета... енгальский
...приказали... эт... воздвигнуть
...нул эту жизнь Августа 19, 184... В возр...

На другой стороне могилы были старинные стихи, также сильно стершиеся. Вот что мог разобрать Чинн:

...дикая шайка
Покинула свои убежища и... Команда

...

И... щия селения доказывают его вели... заботы...

Человечн... надзор... рава возвращены

Народ... уступ... покорен без меча.

Некоторое время он стоял, наклонившись над могилой, думая об этом мертвце одной с ним крови и о доме в Девоншире, потом проговорил, кивая в сторону равнин:

– Да, это большое дело – все вместе – даже моя маленькая доля. Он, должно быть, был достоин, чтобы его не забыли... Букта, где мои люди?

– Не здесь, сахиб. Никто не приходит сюда иначе как при полном сиянии солнца. Они ждут наверху. Подыдемся и посмотрим.

Но Чинн вспомнил главный закон восточной дипломатии и ответил ровным голосом:

– Я пришел сюда только потому, что люди Сатпура глупы и не осмелились явиться к нам в полк. Прикажи им прийти ко мне сюда. Я не слуга, а господин бхилей.

– Я иду... я иду, – пробормотал старик.

Ночь приближалась, и каждую минуту Джан Чинн мог свистом призвать своего страшного коня из потемневшего кустарника.

В первый раз за свою долгую жизнь Букта послушался приказания, покинул своего повелителя и не вернулся, он прижался к плоской вершине горы и тихо свистнул. Вокруг него задвигались люди – маленькие люди с луками и стрелами, с полудня наблюдавшие за Чинном и Буктой.

– Где он? – шепнул один из них.

– На своем месте. Он приказывает вам прийти, – сказал Букта.

– Сейчас?

– Сейчас.

– Пусть он лучше выпустит на нас Заоблачного Тигра. Мы не пойдем.

– И я тоже, хотя я носил его на руках в этой его жизни. Будем ждать до рассвета.

– Но он, наверно, рассердится?..

– Он очень рассердится, потому что ему нечего есть. Но он говорил мне много раз, что бхили – его дети. При свете солнца я верю этому, но при лунном не так уверен. Какое безумие задумали вы, сатпурские свиньи, что ему пришлось явиться сюда, к вам?

– К нам пришел некто от имени правительства с маленькими ножами и волшебным теленком, намереваясь обратить нас в скот, разрезая нам руки. Мы очень испугались, но не убили этого человека. Он здесь, связанный – черный человек, и мы думаем, что он с запада. Он сказал нам, что вышло приказание резать всех нас ножами, особенно женщин и детей. Мы не слышали, что было такое приказание, поэтому мы испугались и остались в горах. Некоторые из нас взяли у жителей с равнин коней и буйволов, а другие горшки, одежду и серьги.

– Есть убитые?

– Нашими людьми? Нет еще. Но разные слухи разжигают молодых людей, словно пламя на горах. Я послал гонцов за Джаном Чинном, чтобы с нами не произошло чего-нибудь худшего. Он предсказал этот страх знамением Заоблачного Тигра.

– Он говорит другое, – сказал Букта.

И он повторил с добавлениями все, что молодой Чинн сказал ему во время конференции на тростниковом кресле.

– Вы думаете, – сказал спрашивающий, – правительство расправится с нами?

– Не думаю, – возразил Букта. – Джан Чинн отдаст приказание, и вы будете повиноваться ему. Остальное касается правительства и Джана Чинна. Я сам знаю кое-что об этих страшных ножах и о царапинах. Это заклинание против оспы. Но как это делается, я не могу сказать. И это не должно беспокоить вас.

– Если он будет стоять за нас и защищать от гнева правительства, мы будем вполне слушаться Джана Чинна... только... только... мы не пойдем на это место вечером.

Они слышали, как внизу молодой Чинн звал Букту, но они испугались и сидели смирно, поджидая Заоблачного Тигра. Могила была священным местом в течение почти полувека. Если Джан Чинн избрал ее, чтобы спать на ней, кто имел больше прав на это? Но они не хотели подойти близко, пока не рассветет.

Сначала Чинн очень рассердился, но потом ему пришло в голову, что у Букты, вероятно, было какое-нибудь основание (как это и было на самом деле) и его личное достоинство могло пострадать, если бы он стал кричать, не получая ответа. Он прислонился к подножию могилы и, то дремля, то куря, провел жаркую ночь, гордясь тем, что он истинный Чинн, застрахованный от лихорадки.

Он составил план действий совершенно так же, как сделал бы это его дед, и, когда утром Букта появился с обильным запасом пищи, ничего не сказал ему о ночном дезертирстве. Взрыв человеческого гнева был бы облегчением для Букты, но Чинн спокойно закончил завтрак, выкурил трубку и только тогда проявил признаки жизни.

– Они очень боятся, – сказал Букта, который и сам был не особенно храбр в эту минуту. – Остается только отдать приказание. Они говорят, что будут повиноваться, если ты станешь между ними и правительством.

– Это я знаю, – сказал Чинн, медленно идя к плоскогорью. Несколько пожилых людей стояли неправильным полукругом на открытой площадке, но остальные – женщины и дети – спрятались в щажу. У них не было ни малейшего желания встретить первый взрыв гнева Джана Чинна Первого.

Чинн сел на обломок скалы и выкурил до конца свою трубку, слыша тяжелое дыхание окружающих его людей. Потом он крикнул так внезапно, что все вздрогнули:

– Приведите человека, который был связан!

Началась суматоха, раздался крик, и вслед за тем появился индус-оспопрививатель, дрожащий от страха, связанный по рукам и ногам, как древние бхили имели обыкновение связывать свои человеческие жертвы. Его осторожно поставили перед высокой особой, но молодой Чинн не взглянул на него.

– Я сказал – человека, который был связан. Что это – шутка, что мне приводят связанного, как буйвола? С каких это пор бхили могут связывать кого угодно? Разрезать!

С полдюжины ножей поспешно разрезали ремни, и индус подполз к Чинну, который положил в карман его футляр с ланцетами и трубочки с лимфой. Потом он выразительно обвел указательным пальцем весь полукруг и ясно, отчетливо проговорил в виде комплимента:

– Свины!

– Ай! – шепнул Букта. – Теперь он заговорил. Горе глупому народу...

– Я пришел пешком из моего дома (собрание вздрогнуло), чтобы объяснить то, что всякий, кроме сатпурского бхили, увидел бы издали своими глазами. Вы знаете оспу, которая изрывает и уродует ваших детей так, что они имеют вид осиных сотов. Правительство отдало приказание, по которому каждый, кого поцарапает один из тех маленьких ножей, что я показываю вам, будет заколдован против нее. Все сахибы и многие из индусов заколдованы так. Вот знак чар. Взгляните!

Он отвернул рукав до подмышки и показал белые шрамы от оспопрививания на белой коже.

– Идите все и смотрите.

Несколько смелых умов подошли, качая головой с мудрым видом. Конечно, это был знак, и они отлично знали, какие другие страшные знаки скрыты под рубашкой. Милосерден был Джан Чинн, что не объявил тут же о своей божественности.

– Ну вот все это и говорил вам человек, который был связан.

– Я говорил сотню раз, но они отвечали побоями, – простонал оспопрививатель, растирая руки и ноги.

– Но так как вы свиньи, то не поверили; ну вот я и пришел спасти вас, во-первых, от оспы, затем от безумия страха и, наконец, может быть, от веревки и тюрьмы. Тут нет для меня выгоды, нет удовольствия, но ради вот того, кто сделал из бхили человека, – он показал вниз горы – я, одной с ним крови, сын его сына, пришел вразумить ваш народ. И я говорю правду, как говорил Джан Чинн.

В толпе раздался благоговейный шепот, и люди стали по двое, по трое выходить из чащи и присоединяться к стоящим. На лице их бога не было видно выражения гнева.

– Вот мои приказания. (Дай Бог, чтобы они приняли их, но, кажется, я произвел на них сильное впечатление!) Я останусь с вами, пока этот человек будет царапать вам руки по приказанию правительства. Через три, а может быть, через пять – семь дней ваши руки распухнут, будут чесаться и гореть. Это сила оспы будет бороться в вашей подлой крови против приказаний правительства. Поэтому я останусь среди вас, пока оспа не будет побеждена, и не уйду, пока мужчины, женщины и маленькие дети не покажут мне на своих руках такие же знаки, какие я только что показывал. Я принес с собой два очень хороших ружья и привел человека, имя которого известно среди зверей и людей. Мы с ним будем охотиться, а ваши молодые люди и все другие будут держать себя смирно. Вот мое приказание.

Наступило продолжительное молчание, во время которого победа висела на ниточке. Какой-то седовласый грешник, беспокойно топчась на месте, пропищал:

– У нас есть пони и несколько быков и другие предметы, на которых нужен «коуль» (охрана – свидетельство). Они не были куплены...

Сражение было выиграно, и Джон Чинн вздохнул с облегчением. Молодые бхили учинили грабеж, но, если принять быстро меры, все еще может быть поправлено.

– Я напишу «коуль», как только пони, быки и другие предметы будут пересчитаны передо мной и отосланы туда, откуда взяты. Но сначала мы положим правительственный знак на тех, которых не посещала оспа.

Вполголоса, к оспопрививателю:

– Если вы покажете, что боитесь, вам никогда не видать Пуны, мой друг.

– Для такого количества людей нет достаточно вакцины, – сказал индус. – Они уничтожили официального теленка.

– Они не поймут разницы. Царапайте их всех и дайте мне пару ланцетов, я займусь старшинами.

Престарелый дипломат, просивший покровительства, стал первой жертвой. Он выпал на долю Чинна и не смел кричать. Как только его освободили, он притащил товарища и кризис обратился как бы в детский спор, потому что те, кому привили оспу, тащили тех, кому еще не прививали, клянясь, что все племя должно страдать одинаково. Женщины кричали, дети разбежались с воем, но Чинн смеялся и размахивал ланцетом с окрашенным в розовый цвет концом.

– Это честь! – кричал он. – Скажи им, Букта, какая великая честь, что я сам отмечаю их. Нет, я не могу отмечать всех – индус также должен делать свое дело, но я дотронусь до каждого знака, который он делает, так что все они будут одинакового достоинства. Так раджпуты отмечают свиней. Эй, одноглазый братец! Поймай эту девушку и приведи ее ко мне. Нечего ей бежать, она еще незамужняя, и я не собираюсь жениться на ней. Не хочет идти? Ну так она будет посрамлена своим маленьким братом, толстым, смелым мальчиком. Он протягивает руку, как солдат. Взгляни. Он не боится крови. Со временем он будет у меня в полку. А теперь, мать многих, мы слегка дотронемся до тебя, потому что оспа побывала тут раньше нас. Право, действительно эти чары сокращают власть Маты. Теперь среди сатпуров не будет изрытых лиц, и вы можете просить много коров за каждую невесту.

И так далее, и так далее – быстрая болтовня раечного деда, приправленная бхильскими охотничьими пословицами и рассказами, полными грубого юмора, – пока не отупели ланцеты и не устали оба оператора.

Но природа человеческая везде одинакова, и непривитые стали завидовать своим привитым товарищам; дело чуть не дошло до драки. Тогда Чинн объявил себя уже не медицинским инспектором, а судьей и стал производить формальный допрос о грабежах.

– Мы грабили в Магадсо, – просто сказали бхили. – Такова наша судьба. Ведь мы испугались, а когда мы испугаемся, мы всегда ворует.

Просто и ясно, по-детски они рассказали всю историю грабежа; доставало только двух быков и небольшого количества спирта (Чинн обещал возместить эту пропажу из своего кармана); десять зачинщиков были посланы на равнину с удивительным документом, написанным на листке из записной книжки и адресованным помощнику главного надзирателя местного полицейского округа. Доставить эту ношу было очень опасно, предупредил Джан Чинн, но все лучше потери свободы.

Вооруженные этим документом, раскаявшиеся грабители спустились с горы. Им совершенно не хотелось встретиться с мистером Дендасом Фауном, служившим в полиции двадцатидвухлетним молодым человеком с веселым лицом; не хотелось им также и посетить вновь арену своих грабежей. Они избрали другой путь и побежали в лагерь единственного капеллана, назначаемого правительством в разнообразные иррегулярные войска на участке в пятнадцать тысяч квадратных миль, и предстали перед ним в облаке пыли. Они знали, что он представляет собой нечто вроде жреца и, что было важнее в данном случае, хорошего спортсмена, щедро платившего своим загонщикам.

Когда он прочел записку Чинна, он расхохотался, что они сочли за хорошее предзнаменование, пока он не позвал полицейских, которые привязали пони и быков к наваленному у дома хламу и наложили тяжелые руки на трех из улыбающейся шайки воров. Капеллан собственноручно наказал их хлыстом... Это было чувствительно, но так и предсказал Джан Чинн. Они покорились, но не хотели отдать «коуля» – письменного «покровительства», боясь тюрьмы. Возвращаясь, они встретили мистера Д. Фауна, который слышал о грабеже и не был доволен этим.

– Конечно, – проговорил старший из шайки, когда второе свидание подошло к концу, – конечно, покровительство Джана Чинна спасло нам свободу, но как будто в этой бумажке много побоев. Спрячьте-ка ее.

Один из зачинщиков влез на дерево и засунул письмо в щель на высоте сорока футов от земли, где оно не могло сделать вреда. Разгоряченные, избитые, но счастливые, все десять вернулись на следующее утро к Джану Чинну, который сидел среди беспокойно настроенных бхилей. Все они смотрели на свои правые руки, полные ужаса при мысли о немилости их бога в случае, если они станут царапать болячки.

– Это был хороший «коуль», – сказал предводитель. – Сначала капеллан, который рассмеялся, отнял награбленное нами и избил троих из нас, как было обещано. Затем мы встретили Фауна-сахибу, который нахмурился и спросил о грабеже. Мы сказали правду, и потому он отколотил всех нас и обругал. Потом он дал нам два узелка, – они поставили на землю бутылку с виски и ящик с трубками, – и мы ушли. «Коуль» остался в деревне, потому что, как только мы покажем его какому-нибудь сахибу, нас бьют.

– Не будь этого «коуля», – строго проговорил Джан Чинн, – вы все шли бы в тюрьму с полицейскими по бокам. Теперь идите загонщиками со мной. Эти люди больны, и мы будем охотиться, пока они не поправятся.

В хрониках сатпурских бхилей наряду с многими другими сообщениями, неудобными для печати, написано, что в течение пяти дней после того, как он отметил их, Джан Чинн охотился для своих людей, а по вечерам этих пяти дней все племя было поголовно пьяно. Джан

Чинн накопил страшно сильных местных спиртных напитков и убил бесчисленное количество диких кабанов и серн, так что если бы кто-нибудь захворал, то легко было найти одну из двух причин болезни.

Из-за головных и желудочных болей им не было времени думать о руках, и они послушно следовали за Джаном Чинном сквозь джунгли; с каждым днем доверие их росло, и мужчины, женщины и дети возвращались в свои поселения. Они распространяли вести о том, как хорошо быть поцарапанными страшными ножами, о том, что Джан Чинн действительно воплотился в бога обильной еды и питья и что изо всех народов сатпурские бхили будут самыми любимыми, если только не будут чесаться. С этих пор этот добрый полубог соединился в их представлении с обильными пиршествами, вакциной и ланцетами отечески заботливого правительства.

– А завтра я возвращаюсь к себе домой, – сказал Джан Чинн немногим своим верным приверженцам, которых не могли победить ни спиртные напитки, ни переизбыток, ни распухшие железы. Детям и дикарям трудно постоянно относиться благоговейно к воздвигнутым ими идолам, и потому они чрезвычайно весело проводили время с Джаном Чинном. Упоминание его о возвращении домой омрачило весь народ.

– А сахиб не вернется? – спросил тот, кому первому привили оспу.

– Посмотрим, – осмотрительно ответил Чинн.

– Приходи сюда как белый человек, приходи как молодой человек, которого мы знаем и любим, потому что, как ты один знаешь, мы люди слабые. Если бы мы снова увидели твоего... твоего коня...

Они собирались с мужеством.

– У меня нет коня. Я пришел с Буктой. О чем вы говорите?

– Ты знаешь... Тот, кого ты выбрал как своего ночного коня.

Маленькие люди толпились в страхе и ужасе.

– Ночного коня? Букта, что это за новые детские рассказы?

Букты бывал безмолвен в присутствии Чинна с ночи своего дезертирства и теперь был благодарен за случайно брошенный им вопрос.

– Они знают, сахиб, – шепнул он. – Это Заоблачный Тигр. Тот, что появляется оттуда, где ты некогда спал. Это твой конь, каким он и был на протяжении трех поколений.

– Мой конь! Это пригрезилось бхилиям.

– Это не призрак. Разве призраки оставляют следы в глине? Зачем такая скрытность перед твоим народом? Они знают о ночных поездках и они... они...

– Боятся и хотели бы, чтобы они прекратились?

Букта кивнул головой и сказал:

– Если он тебе не нужен больше. Он – твой конь.

– Значит, этот конь оставляет следы? – сказал Чинн.

– Мы видели их.

– Можете вы найти эти следы и пройти по ним?

– При дневном свете... если кто-нибудь пойдет с нами и, главное, будет стоять вблизи.

– Я буду стоять совсем близко, и мы устроим так, что Джан Чинн не будет больше ездить.

Бхили несколько раз громко повторили эти слова.

С точки зрения Чинна, путь, по которому ему пришлось вести бхилей, был самым обыкновенный. Он шел вниз по горе, по растрескавшимся скалам, может быть, не безопасным, если не соблюдать осторожности, но не хуже многих, по которым ему приходилось ходить. Однако его спутники решительно отказались загонять дичь и только шли по следу, обливаясь потом при каждом шорохе. Они указывали на громадные следы, которые спускались по горе на несколько сотен футов ниже могилы Джана Чинна и исчезали в пещере с узким входом. Это была дерзко открытая тропинка, проложенная, очевидно, без всякого намерения скрыть ее.

– Негодяй, должно быть, не хочет платить податей или пошлин, – пробормотал Чинн, прежде чем спросить своего друга: на что больше похожи эти следы – на следы зверя или человека?

– Зверя, – услышал он в ответ. – Две телки в неделю. Мы пригоняем их для него к подножию горы. Таков его обычай. Если бы мы этого не делали, он стал бы преследовать нас.

– Шантаж и грабеж, – сказал Чинн. – Не могу сказать, чтобы мне нравилось идти в пещеру за ним. Что же делать?

Бхили отступили, когда Чинн стал за утесом с ружьем наготове. Тигры, как он знал, животные робкие, но тот, которого кормили так долго скотом, да еще в таком количестве, может оказаться слишком храбрым.

– Он говорит, – шепнул кто-то сзади. – Он, видно, чует...

– Ну, черт возьми, что за дьявольская сила! – сказал Чинн. Из пещеры доносился сердитый рев – настоящий вызов.

– Выходи же! – крикнул Чинн. – Выходи, дай посмотреть на себя!

Зверь отлично знал, что между голыми смуглыми бхилиями и получаемыми им еженедельно запасами существует какая-то связь, но белый шлем, залитый лучами солнца, раздражал его, и голос, нарушивший его покой, не нравился ему. Лениво, как наевшаяся змея, он выполз из пещеры и встал у входа, зевая и мигая. Лучи солнца падали на него, и Чинн удивился. Никогда не видел он тигра такой окраски. За исключением головы, по которой шли замечательно ровные полосы, он был весь в яблоках – словно качающаяся детская лошадка – чудесного, дымчатого цвета на красно-золотом фоне. Та часть его живота и шеи, которая должна была бы быть белой, оказалась оранжевой, а хвост и лапы – черными.

Он спокойно осматривался в течение десяти секунд, потом решительно опустил голову, подтянул подбородок и стал пристально смотреть на Чинна. Результатом было то, что тигр выставил вперед круглую дугу своего черепа с двумя широкими полосами, под которыми сверкали немигающие глаза; таким образом он стоял, несколько напоминая своей мордой маскарадную, нахмуренную маску дьявола. То было отчасти проявлением силы гипноза, которым он много раз действовал на свою добычу, и хотя Чинн вовсе не был робким ягненком, он все же стоял несколько времени неподвижно, удерживаемый необыкновенной странностью атаки. Голова – тело было как будто спрятано за ней – свирепая, похожая на череп мертвеца, подвигалась ближе, в такт яростно ударявшему по траве хвосту. Бхили рассыпались вправо и влево, предоставив Джану Чинну усмирять своего коня.

«Честное слово! – мысленно проговорил Чинн. – Он пробует испугать меня!» – И выстрелил в промежуток между похожими на блюдечки глазами, отскочив в сторону после выстрела.

Что-то массивное, задыхающееся, пахнущее падалью бросилось мимо него вверх на гору. Он осторожно пошел за этой массой. Тигр не пробовал убежать в джунгли, он искал возможности вздохнуть полной грудью и шел с поднятым носом, открытым ртом, песок летел брызгами из-под его сильных ног.

– Нашпигован! – сказал Джон Чинн, наблюдая за бегством тигра. – Будь он куропаткой, он поднялся бы вверх. Легкие у него должны быть наполнены кровью.

Тигр перескочил через камень и упал по другую сторону горы, скрытую от взглядов. Джон Чинн выглянул, держа наготове ружье. Но красный след вел прямо, как стрела, к могиле его деда и там, среди разбитых бутылок из-под спиртных напитков и осколков глиняного изображения, жизнь тигра отлетела в тревоге и гневе.

– Если бы мой достойный предок мог видеть это, он гордился бы мной, – сказал Джон Чинн. – Глаза, нижняя челюсть и легкие. Очень хороший выстрел. – Он свистнул, измеряя уже коченевшее туловище.

– Десять – шесть – восемь – клянусь Юпитером! Почти одиннадцать – скажем одиннадцать. Передняя лапа, двадцать четыре – пять, семь с половиной. Хвост короткий: три фута один дюйм. Но что за шкура! О Букта! Букта! Скорее людей с ножами.

– Что он, точно умер? – послышался чей-то испуганный голос из-за утеса.

– Не то было, когда я убил моего первого тигра! – сказал Чинн. – Я не думал, что Букта убежит. У меня не было второго ружья.

– Это... Это Заоблачный Тигр, – сказал Букта, не обращая внимания на упрек. – Он мертв.

Чинн не мог сказать, все ли бхили, как те, которым привили оспу, так и те, кому ее не прививали, залегли в кустах, чтобы посмотреть, как он будет убивать тигра; только склон горы вдруг зашуршал от маленьких людей. Они кричали, пели, топали ногами. И все же, пока он не сделал первого надреза в великолепной шкуре, ни один человек не взялся за нож, а когда стали спускаться сумерки, они убежали от окровавленной могилы, и никакими уговорами нельзя было заставить их вернуться до рассвета. Таким образом, Чинн провел вторую ночь на открытом воздухе, оберегая труп тигра от шакалов и думая о своем предке.

Он возвратился на равнину, сопровождаемый торжественным пением его армии в триста человек, с оспопрививателем из Маратты, шедшим рядом с ним, и с трофеем в виде плохо высушенной шкуры впереди. Когда эта армия внезапно бесшумно исчезла, словно перепел в хлебном поле, он решил, что находится вблизи цивилизации, и поворот дороги привел его к лагерю крыла его собственного корпуса. Он оставил шкуру на повозке, чтобы все могли ее видеть, и отправился к полковнику.

– Они ни в чем не виноваты! – горячо объяснял он. – В них нет ни чуточки дурного. Они были только испуганы. Я привил оспу всем, и это страшно понравилось им. Что мы делаем здесь, сэр?

– Я и сам стараюсь узнать это, – сказал полковник. – Я не знаю, кто мы: часть бригады или полицейские? Думаю, что должны называться полицией. Как это вам удалось привить оспу бхилиям?

– Ну, сэр, – сказал Чинн, – я обдумал все, и, насколько понимаю, я имею какое-то наследственное влияние на них.

– Я это знаю, иначе не послал бы вас, но в чем, собственно, состоит оно?

– Это довольно странная штука. Насколько я могу понять, я – мой воплощенный дедушка и я нарушал мир страны, разъезжая по ночам на пятнистом тигре. Если бы я этого не делал, я думаю, они не восставали бы против оспопрививания, но двух таких событий сразу они не могли вынести. И потому, сэр, я привил им оспу и застрелил своего тигра-коня, чтобы дать им в некотором роде доказательство моего благоволения. Вы никогда в жизни не видели такой шкуры.

Полковник задумчиво теревил усы.

– Ну, черт возьми, – сказал он, – как мне упомянуть об этом в рапорте?

Действительно, в официальной версии о страхе перед оспопрививанием ничего не говорилось о лейтенанте Джоне Чинне и о его божественности. Но Букта знал, и корпус знал, и каждый бхиль в Сатпурских горах знал это.

А теперь Букта страстно желает, чтобы Джан Чинн женился поскорее и передал свою власть сыну, потому что если у Чинна не будет наследников и маленькие бхили будут предоставлены своей фантазии, то в Сатпуре произойдут новые волнения.